

В тот год прежний император Ян Цзин скончался, и на престол взошел наследный принц Ян Тао.

Своим первым указом новый государь велел наложнице Го последовать за усопшим владыкой в могилу. Вместе с ней той же участи удостоились еще несколько бездетных обитательниц гарема. «Сопровождение в усыпальницу» — название благородное, но на деле это было обычное убийство: несчастных заживо засыпали землей. Когда Ян Си услышал эту весть, она поразила его как удар грома. Хотя в империи Да Янь и существовал обычай соумирания, обычно хоронить заживо велили лишь бездетных наложниц самых низких рангов. Но чтобы обречь на смерть благородную супругу уровня Наложницы Го — такого история еще не знала. Ян Си застыл на коленях перед венценосным братом, не в силах проронить ни слезы, скованный немим отчаянием.

Ян Тао долго ждал ответа, но, так и не услышав ни слова, сухо обронил:

— Твое молчание означает, что ты недоволен решением своего императора?

Ян Си заставил себя сдержать рвущиеся наружу слезы. Склонившись в глубоком поклоне, он с силой ударился лбом о холодные синеватые плитки пола. На камне расплылось багровое пятно.

— Моя матушка удостоилась великой чести, — глухо отозвался он. — Ваш покорный слуга благодарит Ваше Величество за безграничную милость.

— Вот как? — равнодушно отозвался Ян Тао. — Рад, что мы сошлись во мнениях. При жизни отец не чаял души в матушке Го, так что ей самое место подле него. Пожалуй, я позволю тебе повидаться с ней напоследок.

Чтобы исполнить сыновний долг, Ян Си добровольно вызвался три года нести стражу у Императорских гробниц. Император милостиво одобрил его рвение, высказав притворное восхищение и осыпав брата похвалами.

На время траура к Императорским гробницам за Ян Си последовали Ян Е и несколько верных гвардейцев из поместья князя Чжао.

В поминальном храме перед усыпальницей табличка матушки Го стояла рядом с табличкой покойного императора. Когда вокруг никого не было, Ян Си, словно лунатик, проскальзывал в сумрачный зал и подолгу стоял, неотрывно глядя на имя матери. Ян Е и Бэйчэнь Цин неизменно находились рядом, безмолвно разделяя его скорбь. Бэйчэнь Цин хранил молчание, а Ян Е, терпеть не заставивший себя долго в этих унылых склепах, вскоре начинал тихонько канючить:

— Брат, я есть хочу...

Тогда Ян Си выходил из оцепенения. Он мягко брал мальчика за руку и уводил прочь, а Бэйчэнь Цин неслышно ступал следом. Три одинокие тени медленно скользили по каменным плитам — сироты, у которых не осталось никого, кроме друг друга.

Когда трехлетний срок траура истек и пришло время покинуть гробницы, Ян Си, глядя на уходящую вдаль дорогу, негромко, но твердо сказал Бэйчэнь Цину и Ян Е:

— На самом деле... император обошелся со мной весьма милостиво.

К тому времени Бэйчэнь Цину исполнилось восемнадцать. Он превратился в статного, красивого юношу и на слова господина лишь понимающе, едва заметно улыбнулся.

Четырнадцатилетний Ян Е, еще мало что смысливший в придворных интригах, беззаботно ухмыльнулся вслед за ними, и все трое вернулись в столицу.

Шли годы, Ян Е вырос, но в памяти его навсегда запечатлелся образ доброй матушки Го. В окружении свиты он часто объезжал верхом оживленные улицы Лояна. Облаченный в узорчатые шелка цвета цветущей вишни, с короткой серебряной пикой у пояса, он казался сошедшим с картин красавцем. На мостах под сенью весенних ив прохожие замирали при его появлении, а со вторых этажей чайных домиков прелестницы махали ему расписными рукавами. Так за ним и закрепилась слава несносного повесы, баловня судьбы и ветреного гуляки.

На самом деле его мало интересовали девицы. Ян Е искал сладости. Он надеялся отыскать тот самый вкус выпечки, которой когда-то угощала его матушка Го. Но увы, сколько бы кондитерских лавок в столице он ни обошел, все было тщетно.

Для Ян Си он по-прежнему оставался глупым ребенком, которого когда-то приходилось таскать на плечах и держать за руку. Он ласково звал его Сяо Ланом, а порой обращался по взрослому имени: Нуаньлинь.

Перед посторонними князь Чжао всегда держался строго, безукоризненно соблюдая этикет. Его манеры были безупречны, а со слугами и стражей он бывал предельно суров. Но стоило ему завидеть Ян Е, как вся строгость бесследно испарялась. Какую бы глупость ни натворил названный брат, стоило тому жалобно зануть и состроить несчастную мину, как сурово поджатые губы Ян Си сами собой расплывались в улыбке. Он качал головой и лишь беззлобно посмеивался над выходками сорванца.

Слуги в поместье князя Чжао то и дело становились свидетелями подобных разговоров:

— Сяо Лан, довольно лениться, марш тренироваться с копьем!

— Ну уж нет! Я несколько дней подряд изнурял себя тренировками, теперь всё тело ломит.

Мне нужен отдых, иначе, как уверяет лекарь, я перестану расти. И кто тогда на меня, коротышку, посмотрит?

— Хватит болтать, ты и так уже вымахал, скоро меня перерастешь! Придумал бы причину поубедительнее, если так хочется побездельничать.

— Сяо Лан, ты вчера на императорской охоте опять сцепился с шестым принцем? Говорят, вы чуть в драку не полезли. Меня там не было, но слухи доходят быстро. Держись от него подальше.

— Да я его на куски порвать готов! Перепалка — это он еще легко отделался. Рано или поздно я его придушу!

— Ладно тебе, поменьше бахвальства. И перестань раскидываться угрозами направо и налево, до добра это не доведет.

— Сяо Лан, я вызвался вести войска на север против государства Сицзя, так что в столице мне осталось пробыть недолго. На эти дни я приказал Юньци заняться тобой. Не смей спать до обеда, приходи ко мне в усадьбу пораньше.

— Тогда я вообще домой уходить не буду! Чего ради мне спозаранку потемкам тащиться? Переночую здесь, потесню Юньци на его постели.

— Вот еще глупости. Забыл, как в прошлый раз умудрился среди ночи спихнуть бедного Юньци с кровати во сне? Лучше ложись в моих покоях, у меня ложе просторнее.

— Брат, почему ты берешь на войну Юньци, а меня оставляешь?

Ян Си тихо вздохнул. Заметив, как набежала тень на его чело, Ян Е догадался:

— Это император запретил мне ехать с тобой?

Ян Си ободряюще похлопал его по плечу:

— У меня нет ни жены, ни детей, императору нечем меня шантажировать. Если и ты покинешь Лоян, его величество окончательно потеряет покой. Так что оставайся в столице. Со мной будут Юньци и гвардейцы, ничего со мной не случится. Жди добрых вестей о нашей победе. И веди себя смирно, не наживай врагов, договорились?

Ян Си ушел в поход, загладив печаль расставания и забрав с собой Бэйчэнь Цина. Проводы затянулись до дальней почтовой станции. Ветер колыхал густую весеннюю траву, солнце тонуло в туманной дымке, уплывающей к горизонту. Простившись с названным братом, который

заменял ему семью, Ян Е остался в Лояне совсем один.

Одиночество угнетало его. Пытаясь отвлечься, он повадился заходить в Военное министерство, надеясь перехватить хоть какие-то известия с севера. Кочевники из государства Сицзя без умолку терзали границы империи, сжигая селения и уводя людей в рабство. Сильные, безжалостные варвары дрались отчаянно. И хотя от Ян Си регулярно приходили донесения о победах, давались они, судя по всему, немалой кровью. Ян Е изнывал от тревоги, мечтая помчаться на подмогу, но из-за своего шаткого положения и запретов двора был вынужден прозябать в столице. Перед уходом Ян Си приставил к нему двух своих лучших гвардейцев — Чжунли Чжэня и Нянь Вэй. Они следовали за молодым маркизом тенью: оберегали, предостерегали и лишь молча качали головами на все его сумасбродства.

Но как бы ни бушевала буря на рубежах империи, в самом Лояне жизнь текла своим чередом. Столица сияла огнями, утопая в бесконечных пирах, музыке и вине.

Предоставленный самому себе, Ян Е быстро позабыл все наставления брата. Он вел себя вызывающе, кочуя из одного веселого квартала в другой. Лоянские куртизанки славились своей занятостью, но маркиз Хуайнань превзошел их всех — его день был расписан по минутам. Сегодня он устраивал потасовку с одними знатными повесами, завтра затевал драку с другими. Своей наглостью он умудрился раззадорить половину столичной знати. Слухи о его бесчинствах исправно ложились на стол императора, однако Ян Тао лишь посмеивался, не предпринимая никаких мер.

Но веревочке суждено было порваться. В Башне Драгоценного Жемчуга Ян Е сцепился с Шестым великим князем, князем Ци Ян Ле, — они не поделили местную примадонну. Пока Чжунли Чжэнь и Нянь Вэй ненавязчиво сдерживали телохранителей принца, сам Ян Ле продолжал осыпать противника бранью. Терпение Ян Е лопнуло: короткий, точный удар в лицо — и царственный дебошир лишился переднего зуба.

Ошарашенный князь Ци зажал окровавленный рот ладонью, но даже в такой суматохе не поленился нагнуться и подобрать выбитый зуб — видать, свято чтит завет предков беречь каждую частичку брэнного тела. Ян Е лишь презрительно ухмыльнулся, подбоченясь. Поняв, что сила не на его стороне, Ян Ле, размазывая по лицу слезы и кровь, позорно бежал прочь, явно намереваясь выплакаться императору. Его свита поспешила следом, и мгновение спустя в зале не осталось никого из незваных гостей.

Нянь Вэй тут же подскочил к нему, растерянно лепеча:

— Господин, господин, беда! Вы ведь самого принца разукрасили! Государь этого так не оставит, что же нам делать?

Ян Е презрительно фыркнул:

— Я этого мерзавца с детства переварить не могу. Скажи спасибо, что вообще голову не открутил. Помню, как в детстве он обзывал меня безродным ублюдком и грозился выбить мне

все зубы. Вот пусть теперь посмотрит, чьи крепче сидят! — Он небрежно взмахнул широким рукавом и опустился в бамбуковое кресло. Откинувшись на спинку, маркиз лукаво прищурился: — Да и за что меня наказывать? Подумаешь, зуб! Не обеднею, прикажу отлить ему золотой взамен. Будет щеголять краше прежнего.

Рассудительный Чжунли Чжэнь лишь молча вздохнул, сохранив на лице бесстрастное выражение, а вот Нянь Вэй, вообразив шестого принца с золотым клыком, не выдержал и прыснул со смеху.

Ян Е весело сощурился и сам тихонько рассмеялся. Краем глаза он заметил виновницу переполоха — местная красавица робко жалась за бамбуковой занавесью, с опаской поглядывая на уцелевших. Маркиз поманил ее пальцем:

— Ну же, прелесть моя, подойди ближе.

Девушка в сопровождении двух испуганных служанок поспешно засеменила к его столу:

— Господин призвал свою покорную слугу... Что вам угодно?

На лице Ян Е заиграла лукавая, двусмысленная улыбка:

— А сама как думаешь? Я ведь прибыл раньше этого напыщенного Шестого великого князя, и ублажать тебе следовало меня. С какой стати ты бросилась к нему в объятия, стоило ему переступить порог, а обо мне и думать забыла?

Красавица кокетливо прикрыла лицо шелковым рукавом, хотя голос ее слегка дрожал от страха:

— Помилуйте, маркиз... Для нас, бедных обительниц веселых кварталов, умение льнуть к сильным мира сего — единственный способ выжить. Вы всегда славились своей щедростью и нежностью к девушкам, так зачем же сегодня обижаете слабую женщину?

Опершись подбородком на ладонь, Ян Е сощурил свои прекрасные миндалевидные глаза, в которых плясали озорные огоньки:

— Неужели? Ну, коли так, прошу простить мою грубость. Но послушай, милая, я ведь не первый раз у тебя в гостях и никогда не скупился на подарки. И при этом я до сих пор не видел твоего истинного лица. Сегодня ради твоей чести я пустил кровь самому принцу, так не заслужил ли я права узреть твой подлинный облик?

Девушка слегка опустила рукав и жеманно рассмеялась:

— Да ведь маркиз и так видит меня без утайки. К чему эти загадки? Вы, должно быть, шутите со мной?

Ян Е покачал головой:

— Вовсе нет. Каждый раз твое личико скрыто под таким плотным слоем белил и румян, что за ними ничего не разглядеть. Это ведь знаменитая «Персиковая пудра Нефритовой девы» из Янчжоу, верно? Ах, какой аромат, какая белизна! Но сколько же ты ее переводишь, какая расточительность! — С этими словами он неторопливо поднялся, взял со стола чашу с остывшим чаем и, сделав вид, будто собирается отпить, внезапно выплеснул всю воду прямо девице в лицо.

Та испуганно взвизгнула. Дорогой грим мгновенно поплыл, оставляя на щеках грязные разводы и обнажая бледную, неровную кожу. Подобная бесцеремонность лишила дара речи даже привыкших ко всему Нянь Вэй и Чжунли Чжэнь.

Любуясь делом рук своих, Ян Е весело напел:

— «Поплыли румяна, как вешний ручей, не сыщет миленок увядших очей...» Ой-ёй-ёй... Нянь Вэй, Чжунли, дело пахнет керосином, сматываем удочки!

Едва сдерживая смех, Нянь Вэй бросился вслед за господином. Суровый Чжунли Чжэнь поспешил за ними, и все трое стремительно покинули разгромленную обитель утех.

Вдогонку им неслись причитания куртизанки, бьющей себя кулаками в грудь:

— О негодай! Мерзавец! Я же все утро тратила на этот грим, тринадцать слоев накладывала! Все насмарку! За что мне такое наказание? Уж не прогневала ли я самого Белобрового покровителя?!

Уже на следующий день Ян Е удостоился высочайшей аудиенции: император повелел ему явиться в свой кабинет сразу после полудня.

Величественные ворота Дворца Пурпурной Микроскопии распахивались одни за другими, пока евнухи вели маркиза к императорскому кабинету. Ян Е прекрасно понимал, что вчерашние художества вылезли наружу. Едва переступив порог, он тут же пал ниц:

— Маркиз Хуайнань Ян Е приветствует Ваше Величество. Какова будет воля государя?

В просторном покое царила благоговейная тишина, нарушаемая лишь едва слышным

потрескиванием углей. Из позолоченной курильницы в виде бронзовой утки струился тонкий, сладковатый дым драгоценного благовония. Ян Е замер в образцовом поклоне. Несмотря на внутреннее напряжение, держался он с достоинством, подобающим высокородному вельможе великой империи. До ушей донесся шелест тяжелых шелков и неторопливые шаги. Ян Тао приблизился. Не смея поднять головы без дозволения, Ян Е видел лишь край его черного императорского одеяния, расшитый золотыми и пламенными драконами.

Спустя мгновение раздался мягкий, вкрадчивый голос государя:

— Ян Е, сколько тебе исполнилось в этом году?

— Докладываю Вашему Величеству: ваш покорный слуга недавно отпраздновал двадцатилетие.

— Вот как? — задумчиво протянул Ян Тао. — Молодая кровь бурлит, горячее сердце не знает удержу. До меня дошли слухи, будто вчера из-за продажной девки ты знатно приложил князя Ци. И даже лишил его зуба?

<http://bllate.org/book/19546/1950860>